



А. САЕНКО

Властелин мира: Скандальная биография Уинстона Черчилля

<Фрагменты>

Жажда убивать

Раздался выстрел. Черчилль пригнулся. За пулями с горы полетели пушечные ядра. Переливаясь с адским треском карабинов, их взрывы превратились в ужасную какофонию. Черчилль затыкал уши. Война оказалась не такой, как говорили военные. Тактика, фортификация, наступление выглядели иначе, чем на страницах учебников и в героических рассказах. Он это понял еще в Индии, при подавлении восстания повстанцев. Он видел, с какой легкостью погибали даже умудренные опытом офицеры. Бал правил его величество случай, а слепые пули не жалели никого. «Героизм или нет — неважно: все равно ты погибнешь», — повторял он себе, но лишь сильнее сжимал зубы и шел вперед. С ружьем наперевес, удерживая обезумевшую лошадь, он шел на верную смерть, но что-то будто отводило от него пули. И тогда просыпалось вдохновение. Жажда убивать, жестоко и безжалостно уничтожать противника. С безрассудной решимостью он втыкал штык в горло врага, как фанатик, спускал курок... По ночам он хватался за бумагу и писал, писал, писал... Через пару дней «Дейли-телеграф» и «Морнинг пост» публиковали отчеты корреспондента. «При наступлении погибло 11 человек и 23 человека со стороны противника...» Но Черчилль старался не вспоминать, что за этим стояло. А на утро он вновь шел в бой, выкинув из души жалость и остатки страха.

Прелести службы

Огонь затухал. Деревня, которую они штурмовали несколько дней, наконец пала. Взводу Черчилля удалось достичь вершины горы и уничтожить артиллерийские точки. В наступлении погибло более половины кавалеристов. С кем-то он еще учился в Сендхерсте... Вечером деревня лежала в руинах. Уинстон отправил несколько рапортов командованию и заметку в «Дейли телеграф». Он писал о победе.

Людей убивали у них дома. Стариков и детей расстреливали, а женщин сначала насиловали, а потом убивали. Черчилль молчал. Все шло хорошо. Подошел генерал. «Лейтенант Черчилль?» Уинстон кивнул. «Сэр?» «Еще есть эти... но не хватает солдат, идемте». Уинстон следовал за генералом. «Это станет им уроком!» — улыбался генерал. «Да, сэр», — Уинстон тоже улыбался. Так принято. Женщины и дети плакали, склонившись над трупами мужчин, беспомощно смотрели на англичан. «Они это запомнят, — смеялся генерал, — вы не знаете, что делать». Черчилль поднял карабин. Подошли еще солдаты, они навели ружья. Перед ним стояла маленькая девочка. Насколько, не смотря на юный возраст, она была красива! Голубые глаза впились в него, по ее лицу катились слезы. Рядом лежала женщина, и он понял что это — ее мать.

«Залп!» — заорал генерал. Черчилль прицелился. Слезы текли из небесного цвета глаз, а на ее лице застыла мольба. Выстрел раскатом прокатился по деревне, но ему уже было все равно.

До чего доводят проститутки

На следующий день все британские газеты вышли с шокирующими заголовками: «Потомок рода Малтборо призывает узаконить проституцию», «Сын покойного Рондольфа Черчилля пользуется услугами проститутток», и даже лейбористские газеты кричали: «На костях отца Уинстон Черчилль разыгрывает оргии с продажными девками». Слух молнией разлетелся по Лондону, а газеты скупали невиданными тиражами. К Черчиллю, сломя голову, бежали журналисты, а он уверял, что скоро проститутки смогут организовать свою партию.

Новостями заинтересовалась сама королева. Она была в ужасе от поведения отпрыска столь знатного рода и публично его

обсуждала. «Обо мне говорит сама королева Виктория!» — самолюбленно думал Уинстон, расхаживая с размалеванной «красавицей» по улицам. Брызжа слюной, о развращении нравов вещал Ллойд-Джордж, но его не слушали. За один день о выходе Черчилля услышал не только Лондон, но и вся Империя. Две недели спустя Черчилль стал членом парламента округа Омдей, а лейбористы потерпели унижительное поражение.

Чемберлен долго, открыв рот, смотрел на Уинстона, когда тот появился в парламенте. Его встретили бурей аплодисментов. Уинстон никогда больше не вспоминал о проститутках, а здание парламента покинул окончательно лишь 60 лет спустя.

Судьба сама отдаст победу в руки

Черчилль сидел в своем поместье. Устав от политических баталий и сражений, а иногда просто выжидая время («они сами меня не пригласят»), он писал книги и рисовал. Его биографии известных деятелей, истории всех войн читала вся Британия. Он не мог не творить. Даже оставаясь политиком, обличая «глупцов и предателей», он писал книги, рисовал... Талант требовал выражения, и он не останавливался. Иногда ему казалось, будто он заложник творчества, интриг, армии, он снова хотел оказаться в пылу сражения.

Многие становятся жертвами судьбы. Она провоцирует взлеты и падения, счастье и горе, придумывает конечный итог жизни. «Судьба — продажная девка, — думал Уинстон затачиваясь двадцатой по счету сигарой, — ее надо схватить за глотку и не отпускать, пока не получишь от нее все, что хочешь». Не брать сразу победу в руки: побежденный должен сам ее отдать, и голову должна склонить Судьба, согласившись играть с тобой по твоим правилам... Картина была закончена, и Черчилль задумчиво ее разглядывал. В дверь постучали, и через минуту вошла прислуга с письмом. Его отправили из резиденции премьер-министра. «Мистер Черчилль, мы с королевой Викторией приняли решение назначить Вас на пост министра вооружений». Уинстон курил и смотрел в окно. Новый план действие с быстротой молнии созрел в голове. Он готовился к новым баталиям.

Взлеты и... взлеты!

Самодовольной улыбкой, встречая аплодисменты и насмешливый свист, Черчилль вошел в парламент. Он снисходительно жал руку тем, кто только вчера критиковал его, улыбался противникам, в которых зависть и злоба боролись с чувством покорности. Сегодня он — победитель. Премьер-министр подписал указ о назначении Черчилля министром вооружений, и он выступал перед всеми. Его карьера походила на немыслимый зигзаг. За два дня сделал себе имя, он вступил в партию консерваторов, но через год перебежал к старым врагам — лейбористам. Казалось, все! Этого предательства достаточно, чтобы британское общество возненавидело его. Но после выборов Уинстон с важным лицом сидел на своем месте, критикуя и тех, и других. Его гнали из правительства, но он возвращался опять, занимая еще более высокий пост. О нем писали газеты, обсуждая его скандальные выступления, но восхищение народа росло. Он казался таким человечным. Все политики стремятся быть ближе к кормушке и клянутся в верной преданности известным, но не любимым народом финансистам. Черчилль был предан только себе. Англичанам казалось, что он сражается не за Империю... Взлеты и падения... эта ломанная кривая, которая другому сулила бы смерть, поднимала Черчилля все выше, и перед ним уже раскланивался сам премьер-министр. Но Черчилль кланялся всегда только в ответ.

Яд в кофе

Как-то на одном из званых обедов Черчилль с насупившимся лицом и едкой улыбкой «превозносил» достоинства правительства. Он восхищался ими, хвалил за «неописуемые» успехи, но улыбки на лицах окружающих таяли. Они в ответ обрушивались на него, забыв даже о приличиях, а дамы испепеляли взглядами, полными ненависти. Черчиллю припоминали все провалы, все ошибки, коих набралось немало. Все было правдой, гнетущей и ужасной, от которой кто угодно провалился бы на месте. Чиновник не выдержал бы таких слов и ушел в отставку, или об этом позаботилось бы начальство. Но Уинстон только улыбался. Он с легкостью перекладывал вину на других. А потом досталось женам лордов и министров. «Я всегда задаюсь вопро-

сом: почему они все богаты? ну хоть бы одна простая, но добрая, умная девушка из провинции. А ведь нет: женитесь на богатых, а вот я женюсь на обычной, но хорошей, доброй, умной девушке. Кстати, и вас приглашаю на свадьбу!» — он расплывался в улыбке, глядя на престарелую мадам, устремившую на него взгляд, полный презрения «Знаете, — тихо произнесла она, — будь я вашей женой, как-нибудь утром подсыпала бы вам в кофе яду». Уинстон глядел на нее оценивающим взглядом. «Знаете, если бы я был вашим мужем, я бы этот яд с удовольствием выпил». Он отвесил поклон и поспешил к появившемуся в дверях премьер-министру.

Глаза Сталина

Отчеканив каждое слово, Уинстон впился в Сталина «бульдозным» взглядом. Коммунист в ловушке: потеряв Минск и Киев, он лишился всего. Они разделят виселицу с Гитлером. Только разгромив немцев, он уведет войска, а тогда перед нами откроется дорога на вотчину трусливых русских...

Диктатор, улыбаясь, слушал «спич». Внезапно Черчилль умолк. Он испугался и забыл, что хотел сказать, растерявшись под тяжелым взглядом Сталина, глаза которого искрились, а усмешка из-под шикарных усов кидала в панику.

— Как вы знаете, мистер Черчилль, Советский Союз несет главную тяжесть войны. Вы так и не открыли второй фронт и, извините, прячетесь в укрытиях, когда наши солдаты гибнут. И так с нами разговаривать нельзя. Мы уведём армию, но только если английские и американские войска вернутся домой. Мы — союзники, и должны быть честными друг с другом.

Он сказал эти тихо, вкрадчиво и спокойно. Переводчик еще не успел донести фразу, а суть сказанного сковала сознание англичанина.

Референт смеялся, поражаясь дерзости «русского медведя», и ждал ответной реакции Черчилля. Но тот молчал, а потом вдруг меланхолично сказал: «Да, вы правы, но тонкости мы обсудим завтра». Черчилль поклонился и быстро удалился в свои покои, чтобы никто не видел, как он потерял самообладание.

В самом сердце противника

Криптоаналитики ломали голову над немецкими шифрами, английская авиация и флот атаковали неприятеля. «Как много они могут сделать, если на них хорошенько надавить...» — думал Черчилль, наблюдая за военными приготовлениями. Ожидался очередной налет немецкой авиации. «Они его запомнят надолго, сэр», — улыбаясь говорил солдат, а в глазах блесло восхищение. Он любит главнокомандующего больше всего на свете... Черчилль улыбнулся и отдал ему честь. «Так держать, сержант!» — говорил он. Они долго объезжали позиции. На глазах исполнялась мечта Уинстона: вскоре у Британии будут свои воздушные диверсанты, и Черчилль самолично поставил перед каждым задачи и планировал экипировку. «Есть еще кое-что, генерал», — говорил он вполголоса, повернувшись к министру обороны. «Да, сэр?». «Я тоже хочу перелететь через Ла-Манш: я знаю, где прячется де Голль. Я ему хочу нанести визит», Генерал едва устоял на ногах... «Но... но...» — повторял он. «Знаю, я все знаю, они меня могут сбить в любой момент, но я — не крыса, чтобы тут отсиживаться, и я еще раз сыграю с судьбой, какой бы ни было ее решение. Мне очень важно его увидеть». Генерал смотрел на него, как на умалишенного. «при первой же высадке десанта я хочу лететь; придумайте, как меня потом забрать оттуда».

Новые страхи

Англичане взломали немецкие шифры, и с ними — тайны всего Рейха. В это время Красная Армия на Курском направлении отправила на тот свет бесчисленную группировку нацистов. Черчилль, округлив глаза, смотрел на бумаги, поставленные Советами, и, нервно постукивал тростью по полу, ждал доноса разведки.

Отчеты падали на стол с молниеносной скоростью. Радиоперехваты передавали боль и ужас немцев. Погибло более 2 миллионов человек и еще несколько тысяч были захвачены в плен. Удар пришелся в самое сердце немецкой армии.

Вошел глава секретной службы.

— Господин премьер-министр, агенты в советский и немецких войсках передают данные о погибших.

— Спасибо, я уже знаю, — ответил Черчилль, засовывая в рот сигару. — Радиоперехваты...

— По-прежнему передаем их советским друзьям? — спросил генерал.

Черчилль задумался. Он молчал долго, рассматривая бумаги. Сигара уже истлела, и пепел падал на сверхсекретные отчеты, он молчал.

— Пусть это останется для них тайной, — наконец произнёс он и вновь погрузился в размышления.

Генерал отдал ему честь и ушел. А Черчилль еще долго ходил по кабинеты: перед ним уже маячила перспектива новой войны. Перед глазами стоят все тот же униженный Лондон, но мерещились уже самолеты с советской символикой...

Ялта

И снова — встречи, споры, противостояния. Никогда еще не встречались столь противоположные и ненавидящие друг друга союзники. Уинстон, улыбаясь, сидел под лучами яркого крымского солнца. Всего год назад тут шли ожесточенные бои. Русские победили и выгнали нацистов со своей территории. Конечно, Иосиф их не просто так сюда пригласил: издевается над ними и их далёкими потугами, показывает свою гордость. Уинстон хитрил, он не оставлял планов перехитрить русского (а может, грузинского, странно и них все как-то...) медведя. Никто не знал — ни немцы, ни англичане — что в это время Клементина находилась на другом русском курорте «Минеральные воды». Сталин бы рад ее приезду и отправил к ней все «politburo». Это был единственный способ доставить английских агентов в этот регион. Они охраняли ее и вели вербовку, Уинстон привык на все смотреть дальновидно и готовился к новой войне. Ему мерещились английские солдаты, купающиеся в этом море... а и Турцию после этого можно бомбардировкой потрепать. Радости Черчилля не было предела. «Что бы я не делал, если не придумали войны? Умер бы, наверное. Нет, точно бы умер».

Его воинственная душа рвалась в новый поход, он жаждал баталий, боли, крови врагов — всех, кто не согласится с претензиям Великобритании.

Бесконечность

Старость — интересная часть жизни. Теряешь счет всему. Время, столь бесценное в молодости (с вечным страхом куда-то опоздать, не успеть, пропустить что-то важное), проходит. Ощущаешь буквально на физическом уровне, как ускользает каждая минута, но по забывчивости теряешь счет. Черчилль часто погружался в пустоту: он часами сидел без дела, глядя в никуда. Путешествовать с ним хотела жена. Он помнил их прогулки по саду и, несмотря на годы, она казалась ему все той же красавицей, которую он так боязливо целовал, на которую смотрел, насупившись, отчаянно пытаясь скрыть весь тот шторм, что поднялся в душе. Он не хотел, чтобы она видела его дряхлым стариком... о иногда молодость будто возвращалась. Он садился за книги. До зари погружался в жизнеописания рода, героев и истории Империи. Он чувствовал себя самым Джоном Черчиллем, основателем рода Мальборо. «Может, спустя тринадцать поколений миру явится новый Уинстон?» — шутливо думал он. А Британия вырвется вперед и оставит позади торгашескую Америку. Но все же время ее консерватизма и всемогущества медленно обращалось в пыль, как и он сам. Время не ждет: когда-нибудь рухнет Америка и весь англоязычный мир, диктующий миру, как жить. Черчилль вздыхал и, затянувшись сигарой, размышлял: «А еще старость — это состояние бесконечности, уж лучше жить сегодняшним днем без этой философии».

